

На правах рукописи

СТЕПАНОВА Елизавета Дмитриевна

**КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОТНОШЕНИЙ СОХРАНЕНИЯ
СОБСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ,
НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

10.02.020 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент
Милованова Марина Васильевна.

Официальные оппоненты: *Тахтарова Светлана Салаватовна*, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», зав. кафедрой теории и практики перевода);

Дженкова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», доцент кафедры немецкой филологии).

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Защита состоится 25 октября 2013 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru> 20 сентября 2013 г.

Автореферат разослан 20 сентября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в русле сопоставительной лингвистики, лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

В той или иной лингвокультуре отношения к собственности связаны со стереотипами поведения, они входят в ценностную картину мира говорящего (Колшанский 1990; Бабаева 1997). Язык антропоцентричен и национально специфичен, в нем отражается своеобразие национального характера его носителей. Несмотря на большое количество работ, посвященных категории собственности, до настоящего времени не был проведен комплексный сопоставительный анализ репрезентации отношений сохранения, увеличения и уменьшения объекта собственности в русском, английском и немецком языках с позиций лингвокультурологии и лингвокогнитологии, не получили достаточного освещения разнообразные квалификации субъекта, объекта собственности в указанных лингвокультурах. Все вышеизложенное определяет **актуальность** настоящего исследования.

Объектом исследования являются отношения сохранения собственности. **Предметом** изучения выступают языковые средства репрезентации идеи хранения объекта в сфере субъекта в русском, английском и немецком языках.

В основу исследования положена следующая **гипотеза**: посессивные отношения, направленные на сохранение объекта в сфере субъекта, выстраиваются в виде когнитивных моделей, содержанием которых является разнонаправленность процесса сохранения, что находит отражение в семантике языковых единиц и обладает лингвокультурной спецификой.

Цель настоящего исследования – выявить закономерности репрезентации идеи хранения объекта в сфере субъекта в русском, английском и немецком языках.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- 1) выстроить когнитивные модели отношений, направленных на сохранение объекта в сфере субъекта;
- 2) выявить и систематизировать языковые средства, репрезентирующие структурные компоненты выстроенных когнитивных моделей;
- 3) охарактеризовать закономерности репрезентации идеи сохранения собственности в рамках выстроенных когнитивных моделей в русском, английском, немецком языках;
- 4) реконструировать семантическую структуру глаголов, выражающих субъектно-объектные отношения сохранения собственности;
- 5) установить национально-культурную специфику вербализации отношений сохранения объекта в сфере субъекта, нашедшую отражение в семантике языковых единиц.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые отношения сохранения объекта в сфере субъекта рассматриваются в виде когнитивных моделей; уточняется структура данных моделей как включающих в себя субмодели и структурные квалификаторы. Разработана типология средств выражения различных посессивных ситуаций в рамках отношений собственности в русском, английском, немецком языках. Установлена специфика отражения в семантике глагольных единиц разнонаправленных процессов – увеличения собственности и уменьшения собственности.

В работе использовались следующие **методы**: понятийный, интерпретативный, сравнительно-сопоставительный, классификационный, методы контекстуального, компонентного, этимологического и количественного анализа.

Материалом исследования послужили тексты художественной литературы русских, английских и немецких авторов: Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Ш. Бронте, Дж. Голсуорси, Г. Манна и Т. Манна. Кроме того, привлекались материалы этимологических, толковых и современных словарей русского, английского и немецкого языков.

Теоретическими и методологическими основами исследования послужили работы по лингвокультурологии Н.Ф. Алефиренко, А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.И. Карасика, В.А. Масловой, В.Н. Телии, С.Г. Тер-Минасовой, Н.Л. Шамне, В.И. Шаховского и др., труды по лингвокогнитологии В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Л.А. Нефедовой, М.В. Пименовой, И.Н. Ремхе, И.А. Стернина, Н.Ю. Шведовой и др., исследования категории собственности, а также посессивности Е.В. Бабаевой, А.В. Бондарко, Е.М. Верещагина, А.Я. Гуревич, В.Г. Костомарова, И.В. Кемкина, В.И. Лоскутова, М.В. Миловановой, Г. Шухардта и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии, лингвокогнитологии, в дальнейшее описание русской, английской, немецкой языковых картин мира, поскольку содержит подробный анализ особенностей репрезентации установленных когнитивных моделей отношений сохранения собственности в сопоставляемых языках. На основе комплексного анализа вербализации структурных компонентов данных моделей выявлена релевантность тех или иных характеристик для сопоставляемых языков и культур. Предложенная методика построения когнитивных моделей может найти применение в других исследованиях по сопоставительной лингвокультурологии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в вузовских курсах общего языкознания, теории межкультурной коммуникации, лексикологии, лингвострано-

ведения, в спецкурсах по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, в практике преподавания языков как иностранных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Отношения собственности включают комплекс посессивных ситуаций, среди которых релевантными являются ситуации сохранения, увеличения и уменьшения собственности. Названные ситуации могут быть представлены в виде следующих когнитивных моделей: «субъект-хранитель», «объект хранения», «субъектно-объектные отношения сохранения», которые, в свою очередь, включают субмодели и конкретизирующие их структурные квалификаторы, закономерности репрезентации которых находят отражение в семантике языковых единиц.

2. Когнитивная модель «субъект-хранитель» включает субмодели «субъект сохраняющий», «субъект увеличивающий», «субъект уменьшающий». Наибольшую квалификацию в сопоставляемых лингвокультурах получает субъект увеличивающий, наименьшую – субъект уменьшающий. При репрезентации установленных структурных квалификаторов релевантными характеристиками субъекта являются следующие: для русской лингвокультуры – субъект защищающий, для английской – субъект владеющий, для немецкой – субъект собственно сохраняющий в личной сфере. В русском языке, в отличие от английского и немецкого языков, субъект, уменьшающий собственность в результате ее бескорыстной передачи другому лицу, может получать положительную оценку.

3. Когнитивная модель «объект сохранения» включает субмодели «материальные объекты собственности», «нематериальные объекты собственности». В сопоставляемых языках наблюдается аналогичная репрезентация данных субмоделей. Наибольшая номинативная плотность отмечена у структурных квалификаторов «непроизводственные бытовые объекты» и «экономические объекты».

4. Когнитивная модель «субъектно-объектные отношения сохранения» представлена субмоделями «собственно сохранение», «сохранение с увеличением», «сохранение с уменьшением». В рамках субмодели «собственно сохранение» при репрезентации установленных структурных квалификаторов в семантике глагольных единиц актуализируются следующие лингвокультурологические признаки: сохранение в определенном месте, защита объекта (русский язык), сохранение объекта в тайне от других (русский, английский языки), сохранение объекта с целью экономии (английский язык), сохранение рациональное, вынужденное (немецкий язык), сохранение впрок (английский, немецкий языки).

5. Структурные компоненты субмодели «сохранение с увеличением» представлены в сопоставляемых языках несимметрично: в русском языке детальную вербализацию получает структурный квалификатор «в ре-

зультате внезапного увеличения», в английском и немецком – структурный квалификатор «в результате активных (целенаправленных) действий».

6. В рамках субмодели «сохранение с уменьшением» для русской лингвокультуры значимы ситуации полной потери, утрачивания объекта, для немецкой – потери (утрачивания) объекта в результате несостоятельности другого лица, для английской – пустой, бессмысленной утраты объекта.

Апробация работы. Результаты исследования получили апробацию на различных конференциях: *международных* – «Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов» (Волгоград, 2010), «Современная филология: теория и практика» (Москва, 2010), «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2011), «Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке» (Санкт-Петербург, 2011), «Современное русское языкознание и лингводидактика» (Москва, 2012), «Филология, искусствознание и культурология: актуальные проблемы» (Новосибирск, 2012), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» (Волгоград, 2012); *межрегиональной* – «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2011); *Всероссийской* – «Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка» (Оренбург, 2011). По теме диссертации опубликовано 14 работ общим объемом 5,7 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка источников, словарей и принятых сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Категория собственности с позиций лингвокультурологии» содержит теоретические основания проводимого исследования.

Изучение отношений между языком и культурой является одним из ведущих направлений современной лингвистики. Категория собственности имеет непосредственное отношение к культуре, поскольку ее репрезентация в языке во многом обусловлена национально-культурными особенностями мировосприятия. В реферируемом исследовании отношения собственности рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте с позиций когнитивного моделирования.

В языковой картине мира понятие собственности детерминировано историческим развитием страны, культуры, а также традициями, обычаями народа. Понятие «собственность» включает в себя такие аспекты, как владение, приобретение, отчуждение, утрата и др., отношения в рамках категории собственности могут быть направлены на сохранение, увеличение или уменьшение собственности, оценку отношения субъекта к соб-

ственности и т.д. В объем понятия «собственность» в научной литературе включается предмет собственности, т.е. отчуждаемый объект, способный к смене посессоров (Головачева, 1989). Вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым мы считаем, что собственность есть, прежде всего, не вещь, а отношение – отношение между людьми по поводу вещи (Верещагин, Костомаров, 1980).

В русском языке понятие собственности имеет более широкое значение, объединяя в себе как само имущество, так и право на собственность. В английском и немецком языках выражение данного понятия не ограничено одной языковой единицей, оно конкретизировано несколькими единицами: *property*, *possession*, *ownership* и *Besitz*, *Eigentum* соответственно. Данные языковые единицы обозначают либо владение, либо право владения. Возможно, это говорит о стремлении носителей данных языков к упорядоченному отношению субъекта к находящимся в его сфере объектам. Как отмечает Е.В. Бабаева, в самом понятии «собственность» содержится признак отнесенности к лицу, отличающий предмет собственности от других предметов (Бабаева, 1997).

Отношения собственности — это прежде всего отношения, направленные на сохранение, увеличение и уменьшение объекта в сфере субъекта, экспликация которых в семантике языковых единиц имеет национально-культурные особенности. С целью более детального исследования названные отношения собственности рассматриваются в работе с позиций когнитивного моделирования. Идея создания когнитивных моделей языка основывается на постулировании того, что наши знания организуются с помощью определенных структур. Вслед за И.Н. Ремхе мы считаем, что когнитивная модель является структурой, обладающей объяснительной силой и изображаемой с этой целью в виде схем, объясняющих поведение в наблюдаемой ситуации (Ремхе, 2007).

В структуре знаний, стоящих за языковым выражением, отражается способ номинации. Акт номинации, по мнению Е.С. Кубряковой, сначала является актом индивидуальной деятельности человека. Объективируя субъективную структуру сознания, этот акт по сформированному языковому обозначению становится достоянием говорящих на том же языке, позволяющим соотнести тело знака со сложившейся структурой сознания, определенным значением (Кубрякова, 2004).

Во **второй главе** «Когнитивные модели субъекта и объекта сохранения» рассматриваются отношения собственности, включающие в себя различные посессивные ситуации сохранения собственности, увеличения собственности, уменьшения собственности. Под посессивной ситуацией в работе понимается типовая содержательная структура, выражаемая различными средствами высказывания и представляющая собой тот аспект передаваемой высказыванием «общей ситуации», который раскрывает посессивные

отношения (Бондарко, 1996). Названные посессивные ситуации могут быть представлены в виде определенных когнитивных моделей, что обусловлено ключевыми составляющими самой посессивной ситуации, в частности: «субъект-хранитель», «объект хранения», «субъектно-объектные отношения хранения». Данные модели, в свою очередь, включают в себя субмодели (СМ) и структурные квалификаторы (СК), конкретизирующие репрезентации типичного субъекта, объекта и процесс.

Когнитивная модель «субъект-хранитель» включает в себя СМ1 «субъект сохраняющий», СМ2 «субъект увеличивающий», СМ3 «субъект уменьшающий». СМ1 «субъект сохраняющий» состоит из следующих СК: 1) «субъект-хранитель вообще (нейтрально)»; 2) «хранитель в силу особенностей характера»: бережливый, экономный, хозяйственный, расчетливый; 3) «хранитель в силу профессиональной деятельности»: в а) милитаризированной, б) экономической, г) культурной сферах; 4) «хранитель в силу моральных побуждений»; 5) «хранитель в религиозной мифологии».

Субъект является активной стороной отношений собственности, он обладает, хранит, увеличивает либо утрачивает объект собственности. СК «субъект-хранитель вообще (нейтрально)» в рамках СМ1 «субъект сохраняющий» в русском языке представлен языковой единицей *хранитель*. Древнерусское *хоронити* восходит к *chornity* от *chorna* – «защита» (Фасмер, 4: 273). Таким образом, можно говорить о том, что данная языковая единица номинирует субъекта, который охраняет, защищает объект от опасности: *Наконец, последняя дочь, оставшаяся с ним в доме, умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владельцем своих богатств* (Н.В. Гоголь).

Ключевой языковой единицей, обозначающей субъекта-хранителя вообще (нейтрально), в английском языке является существительное *keeper*. В семантике единицы в большей степени эксплицируется признак владения, о чем свидетельствуют этимологические данные: глагол *to keep* восходит к древнеанглийскому глаголу *cepan* и имеет следующие значения: *to seize* – «владеть чем-либо, взять во владение; схватить», *to hold* – «иметь либо хранить, держать что-либо в своем владении», а также *to observe* – «смотреть, наблюдать». Субъект, характеризуемый языковой единицей *keeper*, имеет какие-либо профессиональные обязанности, является собственником, владельцем чего-либо: *shop-keeper*, *inn-keeper* (OLD, 1: 462–463).

В немецком языке субъекта-хранителя характеризует ряд единиц-согипонимов, т.е. наблюдается детальная квалификация субъекта-хранителя вообще: языковая единица-доминанта *Hüter (Behüter)*, производная от средневерхнемецкого *huote* – «охрана, присмотр, забота», *Erhalter* – хранитель своего материального положения и семьи, хранитель душевного благополучия, *Bewahrer* и *Verwahrer* – хранитель впрок.

Анализ закономерностей репрезентации СК «в силу особенностей характера», выражающего субъекта *бережливого, экономного, хозяйственного, расчетливого*, в сопоставляемых языках позволяет говорить о том, что в русской языковой картине мира субъект *бережливый* прежде всего стремится сохранить какой-либо объект, старается тратить меньше, не израсходовать его, не потерять: ...*бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго в распоротом виде* (Н.В. Гоголь). В семантике языковых единиц *economical, thrifty* в английском языке и *sparsam, wirtschaftlich, umsichtig* в немецком языке актуализируется признак экономии, следовательно, бережливости, извлечения выгоды и получения прибыли: ...*and his father at least liked money. He, too, has always been called careful* (Ch. Bronte); *eine sparsame Hausfrau*.

СК «хранитель в силу профессиональной деятельности» достаточно плотно репрезентирован во всех анализируемых языках. В рамках данной микрогруппы языковых единиц актуализируются такие характеристики субъекта, как охраняющий, защищающий, наблюдающий за объектом. В сопоставляемых лингвокультурах при квалификации субъекта-хранителя имущества, порядка, спокойствия, субъекта-сторожа, смотрящего наблюдается сходство, однако в немецком языке отмечается более детальное структурирование данного типа субъекта.

Следующим СК нами выделен «субъект-хранитель в силу моральных побуждений». Объект сохранения при данном типе субъекта может иметь как конкретный характер, например имущество, так и абстрактный: жизнь, здоровье и т.п. Данный тип субъекта на законных основаниях наблюдает, защищает, помогает, сохраняет людей и их собственность: в русском языке – *опекун, попечитель*; в английском языке – *custodian, guardian*; в немецком языке – *Vormund*, букв. «находящийся перед ртом»; *Treuhaender*, букв. «человек, верно, крепко поддерживающий».

Последним выделенным нами СК в рамках субмодели «субъект сохраняющий» является СК «в религиозной мифологии», это прежде всего ангел-хранитель (*guardian, angel, Schutzengel, Schutzheiliger*).

В самом общем виде СМ1 «субъект сохраняющий» представляет субъекта, имеющего такие характеристики, как хранящий, защищающий, наблюдающий, оберегающий, он представлен единицами нейтральной лексики, профессиональной терминологией.

СМ2 «субъект увеличивающий» включает следующие СК: 1) «в силу особенностей характера»: а) мелочный, б) скупой, в) алчный; 2) «за счет другого субъекта»: а) занимающийся расхищением чужого имущества, б) склонный к мошенническим проделкам, к обману, в) корыстный, падкий на стяжание.

СК «в силу особенностей характера» представлен тремя микрогруппами языковых единиц. Субъект *мелочный, крохобор* получает отрица-

тельную оценку во всех анализируемых языках, на что указывает коннотация языковых единиц, в основе образов – мелкие, незначительные предметы, такие как разменные монеты: *koneечник*, *penny-pincher*, волосы – *hair-splitter*, и даже мелкая душа – *Kraemerseele*; стереотипы: если лиса, то хитрая – *Pfennigfuchser*.

В семантике языковых единиц, обозначающих *субъекта скупого*, актуализируется признак субъекта не просто чрезмерно бережливого, но и субъекта, который не любит тратить, иметь издержки, т.е. цель данного субъекта – потратить как можно меньше. Носители русского языка номинируют его метафорами *скупец*, *скряга* (языковая единица является исконно-русской и образована с помощью суффикса *-яга* от *скра* – «камень, гряда» (Шанский 1991: 413)), образ скряги ассоциируется с камнем, эксплицируя субъекта очень скупого: *Такой скряга, какого вообразить трудно; Скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?* (Н.В. Гоголь). Значение очень скупого субъекта выражено также в семантике просторечно-фамильярного слова *скупердяй*. Образ скупого человека ассоциируется и с образом, который отражает реалии истории страны, – *кулаком* – зажиточным крестьянином; очень скупого – с образом из народных русских сказок – *кощею*, мифическим существом.

Англичане номинируют скупого субъекта метафорами, актуализирующими тип субъекта, который тратит как можно меньше денег: *miser*, *skinflint* (сленговая единица, букв. «кремень, камень из кожи»), образ ассоциируется с человеком, который готов «ободрать камень», чтобы сохранить или получить что-либо), *niggard*: *“I could not spare the money on my account.” “Little niggard!”* (Ch. Bronte). В немецкой лингвокультуре тип скупого субъекта, который никогда ничего не подарит (денег, имущества) либо дарит только в небольших количествах, представлен в семантике следующих языковых единиц: *Geizhals* (букв. «скупая, жадная шея»), *Geizkragen* (букв. «скупой, жадный воротник»), существительное *Geiz* восходит к древневерхненемецкому «жадность, корыстолюбие» (DHW, 7: 226). Данный тип субъекта номинируется в немецком языке также и грубыми словами *Geizhammel*, *Geizknochen* (букв. «скупой, жадный баран», «скупая, жадная кость» соответственно), имеющими резко отрицательную оценку и ярко выраженную экспрессивность.

В семантике языковых единиц, которые обозначают *субъекта жадного, алчного*, актуализируется признак субъекта, тратящего как можно меньше и слишком падкого на что-либо, например на деньги: ... *жаднющий до денег, а тут сами деньги приходили на дом: возьми ради Христа* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). В русском языке субъект данного типа номинирован разговорно-фамильярным существительным *жадина*, просторечно-презрительными *свалыга*, *скалдырник* и просторечно-бранным *скарёда*. Субъект, у которого забота о *накоплении* является доминирующей, до-

ходящей до чрезвычайной скупости, расчетливости, выражен просторечным словом *скопидом*, а также языковыми единицами, значение которых сформировано на основании ассоциативного признака: *гомзила, плюшкин, полушечник*. В английском языке субъекта, который тратит или дает деньги неохотно, имеет склонность к сбережению, накопительству, обозначают словосочетаниями *greedy person, evaricious grasping man: ...that my father was an avaricious grasping man* (Ch. Bronte); *stingy person*, букв. «жадный человек», *tight-fisted*, букв. «стиснутый в кулак», *miser; hoarder*. В немецком языке жадный субъект выражен метафорами *Geizkragen, Filz*, букв. «войлок, фетр», ассоциативный признак связан с образом грубого, неотесанного мужика, *Nimmersatt* – субъект, жадный к еде, который никогда не бывает сытым, всегда голодный, *Knicker Knauser, Pfennigfuchser*.

Итак, в русском языке представлена более детальная квалификация субъекта бережливого, жадного: скупой субъект характеризуется прежде всего как стремящийся к уменьшению расходов, таким образом увеличивая размер собственности, алчный – к приумножению, накоплению своих доходов, субъект мелочный может иметь признаки субъекта как скупого, так и жадного. Следующий пример ярко иллюстрирует градацию при характеристике субъекта чрезмерно бережливого, жадного в русском языке: *Пьяная расточительность, когда Мильников бахвалился и сорил деньгами, сменялась трезвой скупостью и даже скаредностью* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). В английском и немецком языках не наблюдается детального структурирования субъекта мелочного, скупого, алчного.

Рассмотрение репрезентации СК «за счет других людей» показало, что во всех анализируемых языках широко представлены номинации субъекта жадного, хитрого, живущего за счет других. Данный квалификатор имеет в языках несколько микрогрупп. Первая микрогруппа единиц номинирует такой тип субъекта, который занимается *расхищением чужого имущества*, воровством, в русском языке сюда включаются прежде всего существительные *вор, вор-карманник*: ... *что если б ему удалось теперь доказать, что Софья Семеновна – воровка...* (Ф.М. Достоевский). В английском языке в данную микрогруппу входят существительные *thief, pickpocket* – «вор-карманник», *shoplifter* – «магазинный вор», *petty thief* – «маленький воришка»; в немецком языке – *Dieb* – «вор, жулик», *Taschendieb* – «карманный вор». Следующая микрогруппа – это единицы, номинирующие субъекта, *склонного к мошенническим проделкам, обману*. В русском языке сюда включаются существительные *жулик* (разг., от *жулить* – «присваивать чужое»), – как правило, занимающийся мелкими кражами, *мошенник, спекулянт, фальшивомонетчик, шулер* (последнее заимствовано из польского языка в XIX в.: *szuler* – «игрок, картежник»): *Хоть три царства давай, не отдам. Такой шильник, печник гадкий* (Н.В. Гоголь).

В английском языке субъект, живущий за чужой счет и не возмещающий ничего, безнравственный, номинирован следующими существительными: *cheat, fraud, parasite* – «нахлебник, тунеядец, приживальщик»; *impostor* – «плут»; *spiv* – «жулик, мошенник, спекулянт, фарцовщик»; *deceiver; rogue, scoundrel, rascal, swindler* (от немецкого существительного *Schwindler*) – «мошенник»; *trickster, (card) – sharper* – «обманщик, ловкач», субъект, который обманывает во время игры в карты или кости с неопытным игроком, – *rook*.

В немецком языке субъект такого типа представлен единицами *Schurke* – «негодяй, мошенник, обманщик», а также *kleiner Gauner, Parasit, Lump* – человек, который ведет себя низко, существительное образовано от средневерхненемецкого *lumpe* – «тряпка, лохмотья, рвань» (DHW, 7: 428); *Gauner, Spitzbube, Bauernfaenger, Falschmuenger* – «фальшивомонетчик», *Spekulant, Schieber* – «спекулянт», *Betrueger, Hochstapler, Falschspieler* – «шулер».

Во всех лингвокультурах факты воровства, корыстолюбия, стяжательства осуждаются, получают отрицательную оценку.

Следующая микрогруппа включает единицы, номинирующие субъект *корыстный, надкий на стяжание*, т.е. такой тип субъекта, который не против наживаться за счет других (например, взять в долг и не вернуть). В русском языке данный тип субъекта выражен языковой единицей книжного стиля *стяжатель*: *Стяжатель по натуре Кишкин тащил в свою каморку...; И та дура... – невольно соглашалась Марковна, в которой шевельнулся инстинкт бабьего стяжательства – вот нам и делить нечего...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). В английском языке данный тип субъекта номинирован словосочетаниями *grasping person, person on the make, money grubber*, а также языковой единицей *skinflint*. В немецкой лингвокультуре корыстолюбивый субъект выражен в семантике следующих словосочетаний: *habgieriger (habsuechtiger, gewinnsuechtiger) Mensch, Geizhals*.

Анализ репрезентации СМ2 «субъект увеличивающий» показывает, что характеристики субъекта чрезмерно бережливого, жадного наиболее детально представлены в русском языке, причем все единицы, его номинирующие, достаточно частотны.

СМ3 «субъект уменьшающий» включает в себя следующие СК: 1) «в силу обстоятельств»; 2) «в силу особенностей характера»: а) бескорыстно, б) легкомысленно, безрассудно, в) в силу слабости характера.

СК «в силу обстоятельств» представлен единицами, номинирующими субъекта, уменьшающего размер собственности в больших или значительных количествах: *Привалов не различал своего от имущества жены и много растратил* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). Такого субъекта носители русского языка с осуждением называют *растратчиком*, в семантике

языковой единицы *растратчик* актуализируется признак траты собственных денег, а также доверенных субъекту денег. В английском и немецком языках выявлено только значение субъекта, тратящего чужие деньги, которые находились у субъекта на хранении, и, конечно, в свою пользу. В английском языке такой субъект номинирован существительным *embezzler*; от англо-французского *embesiler* – «воровать», *peculator*; в немецком языке – *Veruntreuer* (букв. «человек, которому нельзя доверять») – «растратчик, расхититель»: *sie haben die Gelder ihres Bruders veruntreut* (DBW, 10: 721); *Unterschlagungstäter, Defraudant*.

Следующий СК «в силу особенностей характера» представлен единицами, которые номинируют субъекта, уменьшающего собственность, *бескорыстно; легкомысленно, преступно, безрассудно; в силу слабости характера*. В русском языке в семантике единиц, характеризующих субъекта *бескорыстного*, актуализируется признак субъекта, не стремящегося к личной наживе, выгоде. Для характеристики такого субъекта используется нейтральная или книжная лексика: *бескорыстник, бессребреник*. В английском и немецком языках единицы включают в свое значение коннотацию с оценочным компонентом: в английском языке субъект ассоциируется с человеком, который не находится под влиянием своих чувств, ощущений, предубеждений или интересов, это незаинтересованный, бескорыстный человек – *disinterested person*, в немецком языке – с человеком «не полезным себе»: *uneigennuetziger (selbstloser) Mensch*. Семантический анализ единиц свидетельствует о том, что носители русского языка положительно оценивают субъекта бескорыстного, носители английского и немецкого языков, как правило, – отрицательно.

Субъекта, тратящего *легкомысленно*, в русском языке называют *транжирой*, тратящего *преступно, безрассудно* – книжной языковой единицей *расточитель* и разговорным словом *мот*: *Я, говорит, племянника не знаю; может быть, он мот* (Н.В. Гоголь). Субъект характеризуется как не сдерживающий себя доводами рассудка, благоразумия. В английском языке данный субъект характеризуется языковой единицей *squanderer* – «расточитель», который тратит опрометчиво, в больших количествах, *spendthrift, waster* (существительное происходит от древнефранцузского *guaster* – «разрушать, портить»), *prodigal, dissipater*. Рассваемый тип субъекта в немецком языке представлен языковыми единицами, этимология которых непосредственно указывает на данное значение, например: *Vergeuder*, средневрхнемецкий глагол *giuden* (DHW, 7: 780) имеет значение «хвалиться, жить расточительно»; *Verschwender* – от древневерхнемецкого префиксального глагола *verswenden* – «уничтожать, истреблять, поглощать (пищу)» (DHW, 7: 784), а также *Durchbringer, Verschleuderer*,

Verplemper. На израсходование либо утрату субъектом чего-либо указывает также словообразовательный компонент: префиксы *durch-*, *ver-*.

Субъект, который уменьшает собственность в силу слабости характера, имеет аналогичную характеристику в анализируемых языках. Качество субъекта *слабость* непосредственно связано с легкомыслием и безрассудством, которые проявляются в поведении субъекта. Отличие характеристик наблюдается только в выражении коннотаций: *прожигатель жизни* в русском языке (букв. «сжигает себя»), в английском языке такой субъект ассоциируется с проживающим быстро жизнь (*fast liver*), а также сильно пьющим (*hard drinker*), в немецком – с жизнью человека, прожигающего жизнь ради удовольствий (*Lebemann*).

Когнитивная модель «объект хранения» включает в себя следующие СМ: 1) «материальные объекты собственности»; 2) «нематериальные объекты собственности». К материальным (физическим) объектам относятся не только неодушевленные объекты собственности, но и одушевленные, к нематериальным объектам – объекты абстрактного характера.

СМ «материальные объекты собственности» включает следующие СК: 1) «непроизводственные бытовые объекты»; 2) «экономические объекты»; 3) «одушевленные объекты». К непроизводственным бытовым объектам относятся вещи, дома, участки, которые можно хранить, покупать, передавать и т.д.: *Удержалось у него тысячонок десяток, запрятаннх про черный день, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка... да два крепостных человека...* (Н.В. Гоголь); *... for the tiny chairs and mirrors, the fairy plates and cups, were her property* (Ch. Bronte); *Ihre Mitgift ist nicht mehr da, sie steckt in der Ausstattung, in den Moebeln und den Bildern* (Th. Mann). СК «экономические объекты» представлен единицами, номинирующими ценные бумаги и деньги. Непроизводственные бытовые объекты, экономические объекты могут относиться как к движимому, так и недвижимому имуществу.

Деление объектов на движимое и недвижимое имущество наблюдается как в русской, так и в английской и немецкой лингвокультурах. Для носителей анализируемых языков релевантными являются прежде всего объекты экономической сферы: деньги, а также ценные бумаги. Объекты недвижимого имущества эксплицируются во всех анализируемых языках.

СК «одушевленный объект собственности» во всех анализируемых языках представлен прежде всего такими объектами, как животные, птицы, рыбы и т.д., человек также может быть одушевленным объектом собственности.

СМ «нематериальные объекты собственности» репрезентируют языковые единицы, характеризующие *абстрактные объекты собственности*. В противоположность конкретным, отвлеченные имена обозначают понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психи-

ческим, социально-нормативным сферам его деятельности и т. д. и соответственно могут обозначать «приобретение» субъектом какого-либо состояния либо его «утрату»: ... *вот бедная картина первоначального его детства, о котором едва сохранил он бледную память* (Н.В. Гоголь); *No, young lady, I am not a general philanthropist; I bear a conscience ...* (Ch. Bronte); *His courage and his dreams were gone, and he awaited death* (J. Galsworthy); *dem Namen seiner Vaeter Glanz und Klang zu erhalten; ...* (Th. Mann).

Третья глава «Когнитивная модель “субъектно-объектные отношения сохранения”» посвящена рассмотрению когнитивной модели «субъектно-объектные отношения сохранения». Языковыми единицами, выражающими отношения между субъектом-хранителем и объектом, им сохраняемым, являются во всех трех языках глаголы. Семантическая структура глаголов рассматривается с точки зрения иерархии составляющих ее категориально-лексической, интегральных и дифференциальных сем.

В составе названной когнитивной модели выделяются следующие суб-модели: СМ1 «собственно сохранение», СМ2 «сохранение с увеличением», СМ3 «сохранение с уменьшением».

СМ1 «собственно сохранение» включает следующие СК: 1) «сохранение объекта в самом общем виде»; 2) «сохранение с целью экономии»; 3) «сохранение для будущего и с целью накопления»; 4) «сохранение объекта целым»; 5) «сохранение в сфере профессиональной деятельности»; 6) «сохранение в сфере благотворительной деятельности».

В семантической структуре глаголов, репрезентирующих СМ1 «собственно сохранение», в качестве категориально-лексической выделяется сема ‘сохранение кого-, чего-либо в сфере субъекта’, которая реализуется следующими интегральными семами (ИС): ‘характер сохранения’, ‘способ сохранения’, ‘место сохранения’, ‘цель сохранения’.

СК «сохранение объекта в самом общем виде» достаточно плотно представлен во всех трех языках. ИС характера и места сохранения объекта в русском языке выражены в семантике глаголов сохранения *хранить* и *беречь* и их производных в дифференциальных семах (ДС): ‘заботясь тщательно’ (эксплицируется сохранение от порчи, вреда: *Храните письма родных*); ‘сохраняя неизменно’ (*Так было и с Мыльниковым, по крайней мере в семье сохранилось преданье, что он умер от воды* (Д.Н. Мамин-Сибиряк)). Данные глаголы являются семантически близкими, они сохранили этимологическое значение защиты, охраны объекта – глагол *беречь* происходит от общеславянского *bergiti* – «прятать, закрывать, защищать» (от чего-либо) (Шанский 1971: 42-43). В семантике глагола *хранить* эксплицируется прежде всего процесс сохранения, защиты объекта, в значении глагола *беречь* и его производных – сохранение объекта, забота о нем, а также и о самом субъекте в косвенно-возвратных глаголах.

В отличие от русского языка, в английском языке глагольный ряд шире. В семантике базового полисемантического глагола *to keep* ИС характера сохранения реализуется прежде всего в ДС ‘заботясь тщательно’: ... *keeping alive day and night a sacred flame to the God of Property...* (J. Galsworthy). Выявлены также следующие возможные реализации рассматриваемой ИС, например ‘сохраняя вместе’: *Well, June, being so, it was his resolution to keep the property together* (Ch. Bronte). Семантически производные глаголы конкретизируют значение глагола *to keep*: ... *that Mr. Edward – should have wealth too, to keep up the consequence of the name* (Ch. Bronte). ИС характера сохранения эксплицируется в семантике глаголов-гипонимов: *to maintain* (*And so long as he could maintain his gravity very solemnly* (Ch. Bronte)); *to preserve (from)* (*To preserve property – his wife – he had assumed it, to preserve property of another kind he lost it now* (J. Galsworthy)); глаголов *to remain, to retain* (... *seemed to him to possess potentialities which it could not retain if the States of the South were lost* (J. Galsworthy)).

В немецком языке так же, как и в английском, СК «сохранение в самом общем виде» представлен целым рядом синонимичных глаголов, который шире, чем в русском языке: *hüten, erhalten, wahren* и их производными. В семантике базового глагола *hüten* инвариантным значением является сбережение объекта. ИС характера сохранения реализуется в семантике глагола *hüten* в ДС ‘сохраняя неизменно’: *eine alte Frau hütet den Laden und blickt misstrauisch ... auf den Betrachter der Auslage* (DGW, 3: 1301). В семантике глагола *erhalten* актуализируется потенциальный признак сохранения, поддержки объекта: ... *dass er fuer ihn nicht hatte die Firma am Leben erhalten wollen* (Th. Mann).

Анализ СК «сохранение с целью экономии» свидетельствует о своего рода универсальности такого понятия, как «экономия», для всех трех лингвокультур: *Я ведь теперь экономлю и над каждым грошом трясу* (Ушаков, 4: 1401); ... *а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку* (Н.В. Гоголь); *to use sparingly* (букв. «использовать экономно»), древнеанглийское слово *spær* – «экономный, бережливый» – восходит к протогерманскому *sparaz* – «экономить»); *dass er, wie niemals zuvor, das Geld an sich zu halten und in seinem Privatleben in fast kleinlicher Weise zu sparen began* (Th. Mann). Фактический материал показал, что в английской и немецкой лингвокультурах данный структурный квалификатор представлен более детально. Так, в английском языке актуализируется цель экономии в семантической структуре глагола английского языка *to save* в ДС ‘сберегая для другого субъекта’: *The kernel of life was in this saving for his children* (J. Galsworthy), в немецком – характер вынужденной экономии, рациональность в потреблении: *Wenn nur die Familie Deiner Mutter ihre Groschen ein wenig besser beieinander halten wollte...* (Th. Mann).

СК «сохранение для будущего и с целью накопления» репрезентирован глаголами, обозначающими действия субъекта, направленные на сохранение, собирание объекта в каком-либо количестве в одном месте для будущего, возможно, с целью его количественного увеличения.

В рамках указанного СК широко представлены глаголы действия и деятельности, помещения объекта, в семантике которых эксплицируется ИС места сохранения объекта в ДС 'в определенном месте': *Правда, у бабушки Лукерьи были скоплены на смертный час рублей пятнадцать, запряганных по разным углам* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *er versteckte das Geld in seinem Schreibtisch* (DBW, 10: 717). Как показал фактический материал, сохранение объекта в определенном месте в большей степени эксплицировано в русском языке. В русском и английском языках актуальным является указание на помещение объекта куда-либо втайне от других: *...a целковые, которые послала на ее долю судьба, она прятала иногда в старых тряпичках...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *...and not less so of selling the eggs to the housekeeper and hoarding up the money she thus obtained...* (Ch. Bronte). В немецком и английском языках в семантике глаголов актуализируется тщательное, надежное сохранение объекта впрок: *Ersparen Summe, die seine Mutter ihm erspart hatte...* (H. Mann); *to store up (Do all squirrels store up food for the winter?), to put away, to put aside (by), to lay in, to lay up*. Контекстуальными уточнителями данного значения являются наречия и предлоги: наречие *up* указывает на увеличение объекта; наречие *aside* – на откладывание объекта в сторону (от остальных); предлог *in* – на помещение объекта внутрь для хранения; *by* – около, возле, рядом с.

В семантике глаголов в рамках СК «сохранение объекта целым», в прежнем, обычном состоянии, во всех анализируемых лингвокультурах релевантным является характер сохранения объекта целым в результате определенных обстоятельств либо случайно: *нужно было только поднять телегу... и посмотреть, что уцелело после нашего крушения из вещей* (ССРЛЯ, 16: 1130–1131). Процессуальный признак сохранения объекта целым выражен в семантической структуре глагола *уцелеть*, который сохранил свое этимологическое значение: прилагательное *целый* означало «здоровый» (Шанский 1971: 484). В английском языке названный СК репрезентирован в семантике глаголов *to remain, to survive, to escape, to spare: After the fire, very little remained of my house*. Этимология глаголов указывает на данное значение, например, *to survive* – «пережить, выжить, остаться целиком» – происходит от латинского *supervivere* – «жить после, свыше; жить дольше, чем», префикс *sur-* указывает на значение «над, поверх, выше, сверх, вдобавок».

В немецком языке ИС характера сохранения выражена в ДС 'в результате определенных обстоятельств' в семантике субъектного глагола состо-

яния *bleiben* («оставаться») в сочетании с другими языковыми единицами: *unversehrt bleiben* – букв. «оставаться целым», *am Leben bleiben* – букв. «выжить, остаться в живых; уцелеть».

Анализ СК «в сфере профессиональной деятельности» показывает, что процесс сохранения (соблюдения) закона, порядка и т.д. представлен во всех анализируемых языках прежде всего такой характеристикой, как тщательная охрана, сбережение объекта. При этом выявлена следующая закономерность. В английском и немецком языках ИС характера сохранения эксплицирована в большей степени, здесь актуализируется также защита субъектом самого себя. Для носителей немецкой лингвокультуры релевантной является тщательная защита прав, интересов субъекта: *seine Rechte, Interesse wahren*.

СК «в сфере благотворительной деятельности» репрезентируют глаголы, обозначающие сохранение объекта из гуманных намерений. Оказание помощи ассоциируется в русской лингвокультуре с поддержкой, содействием объекту в чем-либо (*помогать*), в английской – с оказанием поддержки, пользы объекту (глагол *to help* образован от древнегерманского *helpan* «снабдить кого-либо едой», в настоящее время глагол имеет значение «помогать, делать что-либо для другого человека, для его благополучия, пользы»: *Tom has to help his father, who is too old to work*), в немецкой – с достижением объектом определенной цели (в семантике глагола *helfen*).

Анализ фактического материала позволяет предположить, что представителям немецкой и английской культуры свойственна большая ответственность по отношению к объекту, их отличает стремление к целенаправленному, выгодному сохранению объекта.

СМ «сохранение с увеличением» включает в себя следующие СК: 1) «в результате активных действий субъекта»; 2) «в результате каких-либо обстоятельств»; 3) «в результате нечестных действий субъекта»; 4) «с помощью действий другого субъекта»; 5) «в результате постепенного увеличения объекта»; 6) «в результате внезапного увеличения объекта».

Глаголы, репрезентирующие СК «в результате активных действий субъекта», обозначают действия субъекта, который увеличивает собственность, прилагая физические, умственные, нервные и т.п. усилия, и получает плату, вознаграждение за свою деятельность: *Надо же и ей заработать на ярмарке на свою долю; В течение весны и лета он заработал крупную деньги, и его фонды в Узле поднялись на прежнюю высоту* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *The teacher told his pupils, that they had earned rest* (OLD 2001: 410); *... but from the very first young Cowperwood knew how to make money* (J. Galsworthy); *Vor ein Paar Jahren hatte er sich, nachdem er ein gutes Stueck Geld verdient habe...; ... liess seine Kuenste spielen und machte ein unglaubliches Geld...* (Th. Mann). Во всех трех лингвокульту-

рах существует схожее представление о ситуации увеличения объекта в результате торговой сделки, а также банковских операций (в английском языке). В русском языке в семантике глаголов способ увеличения объекта может быть представлен как с помощью *тщательных поисков, с трудом добывая, доставая*.

В рамках СК увеличения объекта в сфере субъекта «в результате каких-либо обстоятельств» значение случайного увеличения, а также в большом количестве выражено в русском языке в семантике разговорного глагола *напасть* и просторечных глаголов *навернуться, грести*. Субъект, как правило, увеличивает объект в результате сложившейся ситуации, часто непредвиденной: *Конечно, много еще малодушия в народе, особенно когда дикая копейка навернется; Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется в песне, серебро лопатой; Кабы мне такую уйму деньжищ, да я бы... Первое дело, сгреб бы их, как ястреб, и убежал...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). В английском языке глаголы приобретения, получения объекта выражают как случайное, так и законное приобретение в результате какой-либо запланированной сделки: *... and tell them of the fortune that has accrued to them* (Ch. Bronte). В немецком языке выявлено наибольшее количество глаголов, в семантике которых актуализируется приобретение объекта с помощью финансовых операций, сделок, стремления к выгодному увеличению собственности: *dass er fuer seine Muehwaltung mit grosser Puenktlichkeit zwei Prozent der Revenuen bezog* (Th. Mann).

В анализируемых языках обнаруживается сходство в репрезентации СК увеличения объекта «в результате нечестных действий субъекта»: обмана, хитрости, незаконного приобретения чужой собственности, а также давления на другого субъекта в целях приобретения чего-либо. При этом в русском языке в большей степени находит отражение случайное приобретение объекта, приобретение с применением сноровки, хитрости (*сграбастать, урвать*), в английском и немецком языках – преднамеренно хитрое поведение с целью получения выгоды: *to profit, erschleichen* соответственно.

Субъект также может увеличивать размер собственности «с помощью действий другого субъекта» (СК): *получать в наследство, брать (взять) в долг, to lend, to loan, (aus)leihen, (aus)borgen*, а также получая поддержку другого субъекта – данное действие выражено в семантике глаголов немецкого языка *aushelfen, aussetzen*.

Как показывает фактический материал, СК «в результате постепенного увеличения объекта» представлен глаголами, обозначающими процессы скапливания объекта в одном месте, становления богатым самого субъекта: *Столько служащих, прислуги... да они по зернышку разнесут все, что я наживал годами; Жил он очень грязно, ходил в грязном*

белье и скупился ужасно (Д.Н. Мамин-Сибиряк); ...*to bring Mr. Edward into what he considered a painful position, for the sake of making his fortune* (Ch. Bronte). В немецком языке в семантике глаголов актуализируется также постепенное увеличение объекта с помощью торговли: *er hat mit seinem Handel ein beträchtliches Vermögen erworben* (DBW, 10: 239).

СК «в результате внезапного увеличения» наиболее детально представлен в русском языке, репрезентантами являются глаголы перемещения, движения объекта (как правило, с разговорной окраской): *хлынуть, набежать, повалить, посыпаться, потечь налететь: Соседи говорили, что они состарились от денег, которые хлынули дуrom* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). В английском и немецком языках внезапное увеличение объекта может быть выражено с помощью глагольно-именных сочетаний, в которых основную смысловую нагрузку несут имена: *He had told her of his success, ... his windfall of fifteen thousand dollars* (J. Galsworthy).

В английском языке увеличение размера собственности выражено глаголами действия либо глаголами, обозначающими процесс увеличения (*to grow rich*), субъект старается увеличить собственность в большей степени не случайно, а в результате каких-либо активных действий. В немецком языке субъект увеличивает объект прежде всего с помощью каких-либо финансовых сделок, операций, т.е. совершая целенаправленное действие с целью получения прибыли.

Субмодель «сохранение с уменьшением» представлена следующими СК: 1) «в силу особенностей характера субъекта»: а) бескорыстия, б) легкомыслия, в) безрассудства, г) слабости; 2) «в силу неудачных действий субъекта»; 3) «по вине другого субъекта».

Во всех анализируемых языках выявлены глаголы, выражающие значение уменьшения, возможно, полного утрачивания объекта «в силу особенностей характера субъекта» (СК). Субъект, отдающий объект собственности *бескорыстно*, имеет положительную оценку: *Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякий гражданин несет все и жертвует всем...* (Н.В. Гоголь); *We are expected to give charity to this man's wife and children, who, you tell us, were dependent on him* (J. Galsworthy); ...*sie lebten aufs jaemmerlichste und gaben alles den Armen* (Th. Mann). Однако в английском и немецком языках словосочетания, выражающие значение бескорыстной передачи (*to give disinterestedly* и *uneigennützig geben* соответственно), получают неодобрительную оценку.

Микрогруппа глаголов, выражающих значение утраты объекта в результате *легкомысленного* поведения субъекта, представлена достаточно обширным рядом, преимущественно это префиксальные глаголы. Префиксы в русском и немецком языках уточняют значение утраты объекта (*про-*

изграть, прожить, снустить, vergeuden, verschleudern, verschwenden, durchbringen), указывая на частичную или полную утрату, израсходование объекта. В английском языке сюда включаются простые и составные глаголы *to lose, to throw away, to clean out, to squander*. Помимо глаголов в данную микрогруппу входят также глагольные фразеологизмы.

Значение утрачивания *из-за безрассудства* в русском, английском, немецком языках выражают как глаголы, так и глагольные фразеологизмы: *расточать, бросать на ветер, промотать (проматывать) все, пускать по ветру*: ..., что я расточаю, с неблагоприятными целями, их последние деньги (Ф.М. Достоевский); *to dissipate (money), to throw away (one's money), to throw (one's money) around, to throw up, to spend money like water: I've not got the money to throw away* (J. Galsworthy); *Groschen rasch vertun, Geld in die Pfuetze werfen*, а также *Geld auf die Strasse (zum Fenster hinaus) werfen, mit Geld um sich werfen: Dann werden deine Groschen rasch vertan sein; Um meine Zahlungsfahigkeit klarzustellen, habe ich nicht noetig mein Geld in die naechste Pfuetze zu werfen* (Th. Mann). При этом в английском языке детально структурированы ситуации пустой бессмысленной утраты объекта: *lose by foolishness or neglect* (OLD, 2: 398) – «терять по глупости, небрежности, невниманию», в сочетании с существительным *money* глагол приобретает значение «тратить деньги впустую, сорить деньгами». Значение траты денег по глупости (неразумно) на мелкие вещи или на вещи, которые совсем не имеют ценности, выражено также в семантике словосочетания *to dissipate money*. Во фразеологической единице *to spend money like water* метафорический перенос основан на сравнении с водой, ср. с вариантом в русском языке: *деньги улываются как вода*. Однако если в английской лингвокультуре эта фразеологическая единица подчеркивает значение безрассудной, пустой траты, то в русской – это скорее всего трата быстрая, нежелательная, ввиду каких-то определенных обстоятельств.

Субъект может уменьшать объект *в силу слабости характера*: *прожигать (жизнь), to lead a fast life; to live a life of pleasure; to live (life) in the fast lane, in Saus und Braus leben*.

СК «в силу неудачных действий субъекта» репрезентируют в русском языке глаголы утраты объекта *потерять, растратить, лишиться* и др. Контекстуальными уточнителями часто выступают словосочетания *все разом, до последней копейки*. На полную утрату указывает также глагол утраты объекта *подпала владение, разориться*, глаголы разговорного стиля *прогореть, закопать*: *Прогорел совсем и тоже думает махнуть в Ирбит; Никак не могу сбиться деньгами-то. Вот еще свои в землю закапываю...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). Полное разорение ввиду неудачных действий эксплицируется в семантике глагола деятельности *выле-*

тать, входящего во фразеологический оборот *вылетать в трубу*, фразеологизма *остаться ни с чем*. В семантике глаголов английского языка *to spend, to risk, to reduce, to sell* и др. актуализируются количественные параметры объекта – неполная потеря либо трата: ...*that he could afford to spend*. Соответствующее значение в немецком языке выражают глаголы утраты объекта *verlieren, zehren*, словосочетание *Verluste haben*, при этом потеря может быть полной либо частичной: *Tony hat 80000 Kurantmark verloren: Ich habe gleich darauf noch Verluste gehabt; ... dass er dennoch vom Kapitale zehre* (Th. Mann).

Глаголы либо глагольные фразеологизмы, которые репрезентируют СК «по вине другого субъекта», указывают на полное разорение: *Разоритель! Погубитель! ... По миру всех пустил* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *But what business had young Bosinney to have got run over and left her stranded like this* (J. Galsworthy), в немецком языке – из-за банкротства, несостоятельности другого лица: *Gruenlich behauptet, ich ruiniere ihn* (Th. Mann). Интересным является тот факт, что *лишить всего* (денег, имущества) во всех представленных лингвокультурах сравнивается с предметом одежды – рубашкой, что говорит о важности данного предмета, поскольку рубашка – это предмет, непосредственно имеющий отношение к личной сфере субъекта, ср.: *своя рубашка ближе к телу; your own shirt is closer to the body*. В фактическом материале выявлены отличия лишь во внешней форме фразеологизма: в английском языке *to leave smb. without a shirt to his back* – букв. «оставить без рубашки к спине»; в немецком: *j-n bis aufs Hemd ausziehen (pluendern)* – букв. «раздеть до рубашки».

Исходя из количественных данных, можно заключить, что сохранение собственности имеет наибольшее значение для представителей немецкой лингвокультуры. Увеличение собственности значимо для всех лингвокультур, утрачивание собственности также актуально для всех лингвокультур, однако в русской лингвокультуре отсутствует резко отрицательное отношение к субъекту уменьшающему. Можно предположить, что порядок, жизненное благополучие, стремление сохранить объект собственности являются наиболее значимыми для носителей прежде всего немецкого языка.

Проведенный сопоставительный анализ выявил особенности и закономерности репрезентации установленных когнитивных моделей и субмоделей, выражающих идею сохранения объекта в сфере субъекта в русском, английском и немецком языках.

В заключении диссертации обобщаются результаты проведенного исследования.

В качестве перспектив исследования можно предложить дальнейший анализ выстроенных когнитивных моделей на материале прецедентных текстов (фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы и др.).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК Минобрнауки России*

1. Степанова, Е.Д. Сопоставительная характеристика объекта имущественного состояния в русской, английской, немецкой лингвокультурах / Е.Д. Степанова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2 (27). – С. 34–38 (0,5 п.л.).

2. Степанова, Е.Д. Особенности выражения ситуации сбережения объекта в сфере субъекта в русском, английском, немецком языках / Е.Д. Степанова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – Сер.: Филол. науки. – 2011. – № 7 (61). – С. 38–41 (0,4 п.л.).

3. Степанова, Е.Д. Семантическая и лингвокультурологическая характеристика глаголов сохранения объекта в русском, английском, немецком языках / Е.Д. Степанова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 25 (240). – С. 153–158 (0,5 п.л.).

*Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

4. Степанова, Е.Д. Фразеологизмы как средства выражения значения потери объекта в русском, английском и немецком языках / Е.Д. Степанова // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 345 (0,2 п.л.).

5. Степанова, Е.Д. Наименования субъекта-хранителя в русском, английском и немецком языках / Е.Д. Степанова // Lingua mobilis: науч. журн. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2010. – № 7 (26). – С. 118–128 (0,9 п.л.).

6. Степанова, Е.Д. Сходства и различия в квалификации субъекта-собственника в русской, английской и немецкой лингвокультурах / Е.Д. Степанова // Современная филология: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2010. – С. 211–214 (0,2 п.л.).

7. Степанова, Е.Д. Сравнительная характеристика объекта собственности в русском, английском, немецком языках / Е.Д. Степанова // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка : Всерос. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2011. – С. 50–53 (0,3 п.л.).

8. Степанова, Е.Д. Характеристика субъекта-собственника в русской, английской и немецкой лингвокультурах / Е.Д. Степанова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : сб. тез. докл. ежегодной Междунар. конф. – Екатеринбург, 2011. – С. 54–55 (0,1 п.л.).

9. Степанова, Е.Д. Отражение национальной специфики русского, английского и немецкого языков во фразеологизмах со значением потери соб-

ственности / Е.Д. Степанова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегод. междунар. конф. – Екатеринбург, 2011. – С. 241–245 (0,4 п.л).

10. Степанова, Е.Д. Характеристика ценных объектов в русском, английском и немецком языках / Е.Д. Степанова // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 220–223 (0,3 п.л).

11. Степанова, Е.Д. Репрезентация понятия движимого имущества в русском, английском, немецком языках / Е.Д. Степанова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Междунар. науч. конф. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 241–245 (0,4 п.л).

12. Степанова, Е.Д. Сопоставительный анализ фразеологизмов со значением потери собственности в русском, английском и немецком языках / Е.Д. Степанова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград, 2012. – С. 351–354 (0,4 п.л.).

13. Степанова, Е.Д. Сравнительная характеристика субъекта, увеличивающего размер собственности, в русском, английском, немецком языках / Е.Д. Степанова // Заочная научная конференция «Современное русское языкознание и лингводидактика», посвящённая 90-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского: сб. ст. – М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2012. – Вып. 3. – С. 126–132 (0,6 п.л.).

14. Степанова, Е.Д. Лингвокультурологическая характеристика субъекта, утрачивающего собственность, в русском, английском, немецком языках / Е.Д. Степанова // Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Новосибирск : Сиб. ассоц. консультантов, 2012. – С. 97–102 (0,5 п.л.).

СТЕПАНОВА Елизавета Дмитриевна

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОТНОШЕНИЙ СОХРАНЕНИЯ
СОБСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ,
НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 12.08.13. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ

Издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27

